

ВЛАСТЬ – ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА СОЦИАЛЬНОГО

В.Д. Жукоцкий

Жукоцкий Владимир Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Нижневартговского экономико-правового института Тюменского государственного университета

Власть как социальная сила амбивалентна. Она несёт в себе диалектику целого и части. Категория *власти* выражает интегральную функцию социального целого в его потенциальной противоречивости, задавая его метафизическое измерение – власть-М. Но категория *власти* выражает также и ту особенную функцию разбалансированной, развивающейся социальности, которая требует индивидуального выражения мощи, представляя социальное целое в его актуальной противоречивости, его физическое измерение – власть-Ф. Драма этих двух властей, явленных в пространстве умознания и чувственной достоверности, и образует подлинное содержание истории, общества и самой личности, выстраивающей свой алгоритм жизни «между двух огней».

Власть в её физическом измерении концентрируется в сфере политического, хотя питается соками всех без исключения общественных сфер, и прежде всего, социально-экономической. Она выражает конкретику исторического момента, которую ещё нужно уметь соотносить с целым не только в пространстве, но и во времени, с властью-М. Наконец, власть-Ф консолидируется как корпоративное объединение «призванных к господству». Эта дихотомия господин – раб, господство – подчинение, властвующий – подвластный и является решающей для генезиса власти-Ф, обретения ею устойчивых форм воспроизводства в тончайших *складках социального*. В результате власть-Ф образует социально, культурно, психологически выраженное поле притяжения, эпицентр в пространстве социального, к которому устремляются все – либо вполне физически, чтобы закрепиться в нем

и властвовать от имени этого центра, либо чисто духовно, чтобы через освящение этого центра, благословение его от имени целого, власти-М, определить свою устойчивую функцию подвластных. Характерно, что власть-М при этом обретает либо подчеркнуто религиозную тональность со всей атрибутикой церковной функциональности («устремляясь ввысь»), либо вполне светское звучание с жесткой опорой на философски и социально-политически осмысленный фундамент *народовластия*.

Метафизика социального, представленная во власти-М, столь же многослойна, как и его физика, представленная во власти-Ф. Горизонт запретельного, обретающего метафизический характер по отношению к индивиду, складывается из концентрических кругов: реальности *человеческой природы*, воспроизводящей себя во все времена и во всех сообществах, реальности данного *народа*, воспроизводящей особенные черты во все времена и во всех пространствах, реальности данной *эпохи*, накладывающей свою печать на всех, кто к ней причастен, наконец, реальности *языка*, задающей устойчивые алгоритмы мысли и действия. К каждой из этих реальностей применима категория *власти*, – направляющего и организующего начала всей органической целостности социальной системы *Человек*.

Даже власть-Ф может обретать устойчивые метафизические черты для индивидов, образующих круг подвластных, что явно выходит за рамки гуманистического идеала. Согласно последнему, человек призван пройти круги всех реальностей, образующих в момент его рождения сплошную метафизическую даль «власти неведомого». Но по мере личностного становления они же наполняют человека властными полномочиями, преобразуя власть-М, а для избранных и власть-Ф в личностное измерение – власть-Л. Этот статус человека участника или со-участника Творения превращает то, что было *горизонтом* власти – в *точку*, в эпицентр власти. Это преобразует всю систему властных отношений и дает человеку шанс почувствовать себя Богом или – «свою высшую причастность». Собственно, для религиозно верующего человека это и есть кульминация веры, даже если он сам скрывает её от себя. Кроме того, власть-Л проявляет себя в харизматическом вождизме, но более всего – в универсальной творческой способности человека и её продуктивности. Творчество и есть культовая категория всей персоналистской философии. Именно она составила основной предмет философствования в мировоззрении Н.А. Бердяева, по сути своей светской, снимающем противоположность между религиозной догматикой и религиозно-философским творчеством в пользу последнего. Об этом, в частности, писала З.Гиппиус в 1911 г. сразу по выходе «Филосо-

фии свободы». Но акцент в любом случае делался на божественной предзаданности потенциала творчества, сконцентрированного в *Личности*.

Однако свобода и творчество человека, как кульминация власти в себе и для себя, имеют также социальное происхождение, как социально по своей природе само качество личности. Речь идет о способности индивида нести в себе целостность общества и культуры, находя символические формы презентации этой целостности как объективной реальности. Каким образом эта целостность общества и культуры скрепляется на почве индивида в энергетически властвующую форму личности — остается проблемой для психологической науки. Но сам факт этого не подлежит сомнению. Ясно, что качество личности индивид обретает лишь будучи погруженным в *раствор* субъект-объект-субъектного отношения (С-О-С), формулы естественной социальности человека. По мере накопления жизненного опыта и универсализации открываемых качеств объекта и *другого* субъекта в структурах Я-субъекта появляется символическая фигура *Другого*. Этот непрерывный внутренний диалог, корректируемый диалогом внешним, и раскручивает личностное качество в человеке, этот светящийся феномен власти-Л. Он образует нечто «третье» в этом внутреннем диалоге Я-субъекта и Другого, он есть *внутренний Бог*, то, что христиане называют «ищи Бога в себе», или просто — *совесть*.

В этом диалоге большого (объективного) субъект-объект-субъектного отношения, как в матрице, просвечивает вся толща метафизики социального. Личностная (малая) форма этого отношения предстает в двух взаимосвязанных качествах. Первое — как индивидуальная, единственная и неповторимая, внутренне развивающаяся, *идеальная копия* всей целостности большого субъект-объект-субъектного отношения, того, что Маркс назвал «совокупностью (ансамблем) всех общественных отношений». Второе — как *практическая сторона* этого отношения и этой «совокупности всех общественных отношений», как активный, но только *элемент* социальной системы, правда, способный в решающий момент исторических и жизненных обстоятельств брать на себя функцию Целого, оставаясь частью.

Один из самых драматических этапов в развитии социально-философского знания был связан с алгоритмом сталкивания и нарочитого противопоставления этих двух качеств личности, в равной степени завязанных на социальность, хотя и в разном отношении. Ложная традиция понимания социальности («совокупности всех общественных отношений») исключительно как внешнего человеку явления, которому противостоит личность, как исключительно внутреннее (индивидуальное) явление, уходит в прошлое. Этой путаницы не возникло бы, по крайней мере, в советской ментальности, если бы с самого начала присут-

ствовало понимание того, что формула Маркса о «сущности человека в её действительности» имеет гегелевское происхождение, а у Гегеля *действительность* — это не то, что противостоит индивиду как нечто внешнее, а, напротив, это момент достигнутого единства внутреннего и внешнего, особый этап в саморазвитии сущности. Именно этот смысл вкладывает Маркс в понятие «совокупности всех общественных отношений», в равной мере представленных как в самой личности, так и вне ее.

Но из этой путаницы выросло и непонимание природы власти по Марксу, представлявшее ситуацию так, как будто здесь все дело в *насилии*, как в структурах самой социальности, так и в её отношении к личности, тем самым извращая марксизм до неузнаваемости. Порой, воистину, не надо было быть политическим противником марксизма, чтобы впасть в подобные крайности. Не говоря уже об изошренных механизмах сознательного использования этой методологической путаницы в политической и идеологической борьбе, когда марксистский дискурс мысли доводили (и доводят) едва ли не до «сатанизма».

На самом деле социальный гуманизм Маркса вовсе не противостоит гуманизму личности, а существенным образом расширяет его границы, включая в сферу творческой деятельности человека и ранее закрытую область социального. Сложности, которые при этом возникают, представляются порой непреодолимыми, особенно на фоне новейших тенденций эволюции социального. Однако они для того и существуют, чтобы быть преодоленными.

На языке постмодернизма это звучит как «смерть» социального, «агония власти», «раскол разума». Чего больше в таком повороте мысли — отчаяния (от «нереализованности» революционного марксизма) или вызова («устаревшему марксизму») — может прояснить только специальный анализ. Это тем более важно, что постмодернистский дискурс пронизывает сегодня волюно или невольюно все пространство нашей эпохи, являя собой неподражаемую форму онтологического анархизма — интеллектуального бунта против власти «разума», «логоса» и «бытия», ставших в наше время пристанищем власти-Ф, построенной по принципу господства и подчинения. Это претензия на большую революционность, чем та, что была заявлена в работах Маркса, Ницше или Фрейда. Это та революционность, которая граничит с реакцией, идет на грани фола, и все же сохраняет немалую эвристичность. В сочинениях адептов постмодернизма мера господствующего над личностью властного объективизма давно перешагнула за рамки экономического объективизма Маркса и вступила в самые поры культуры с её всеконтролирующим сверх-Я, вошла под кожу языковых форм и уже оттуда повелевает человеком, демонстрируя его неподражаемо отчужденный статус.